

И. В. АБРАМОВ

РЫБОЛОВНЫЕ ЗАПОРЫ НИЖНЕЙ КОНДЫ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД*

В Кондинской низменности Западной Сибири сохранилась практика запорного рыболовства — элемент традиционного хозяйства. Проведено картографирование заповров по спутниковым снимкам, данные верифицированы и дополнены в ходе этнографической работы в Болчаровском сельском поселении. Определено влияние природных, экономических факторов на размещение заповров в XX в., прослежена эволюция промысла, отмечен этап внедрения модернизированных ловушек — кондинских котцов. На основе установленных пространственных связей и с учетом местных промысловых схем определена перспектива археологических поисков древних поселений в местах размещения заповров.

Абрамов Илья Викторович — Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург).
E-mail: ilya_abramov@list.ru

Западно-Сибирская равнина — один самых заболоченных и обводненных регионов мира. Внутри нее выделяются особо пониженные участки, такие как Кондинская низменность, 70 % площади которой занимают реки, озера и болота. Длительное половодье, заозеренность бассейнов и регулярный замор создали условия для нагула и миграций рыбы. Рыболовная специализация жителей Конды была в известном смысле предопределена. Запирание пойменных соров и малых рек вплоть до начала XX в. было одним из основных способов рыболовства аборигенов. О незнакомстве с неводом (сетями) остяков Сургутского уезда в начале XX в. писал А. А. Дунин-Горкавич: «...а рыба добывается исключительно мордами, при помощи сплошных заграждений мелких речек» [1904, с. 248].

Основоположником изучения запорного лова в Приобье был финский этнограф У. Т. Сирелиус, который совершил две длительные экспедиции на рубеже XIX–XX вв. [1906]. Большой интерес представляют его дневники [Сирелиус 2001]. Кондинские заповры в начале XX в. описывали М. Г. Корсунский, Л. Р. Шульц и Б. Н. Городков [Кондинский край... 2006]. В течение XX в. заповры фиксировались этнографами как элемент культуры жизнеобеспечения, но кондинские устройства остались вне описаний, став предметом исследований ихтиологов [Петкевич 1972, с. 238–243]. Доисторических заповров в Западной Сибири до сих не обнаружено, несмотря на успех подобных поисков в Европе.

После Великой Отечественной войны в Среднем Приобье появились зверофермы и рыбозаводы, которые в больших объемах стали потреблять мелкую рыбу. Для вылова мелкого частика более всего подходили заповры, что привело к их усовершенствованию и появлению в 1940-х гг. понятия *кондинский котец* и профессии рыбака-котцевики. Котец — вариант запорной ловушки, представляющий собой сегмент реки до 200 м длиной, перекрытый с двух сторон заповрами. Рамы с решетчатым жалом держатся на вбитых в дно сваях 5–6 метровой высоты, поверх которых прокладывают мостки. Если водоток более 5 м шириной, с большим расходом воды весной, то выбирают излучину, которую срезают каналом и запирают на время промысла. Основной лов производится в декабре-январе, когда рыба массово покидает озера из-за недостатка кислорода и заходит в прилегающие

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-49-860008 р_а «Комплексные исследования пространственной организации древних и традиционных поселений в таежной зоне Западной Сибири на примере Нижней Конды» (рук. Т. Н. Соболевникова).

реки. Проход рыбы в котец регулируется сомутом — сходящим на конус плетеным лазом. Котец настроен как на подъемную, так и на покатную рыбу, добывают в среднем 10–20 т товарной рыбы (с мелочью до 50–60 т), рыбопродуктивность зависит от кормовой базы водоема, режима проточности и заморности. Обустройство кондинского котца требует 7–10 кубометров пиломатериала, не считая расходов на промысловый стан, состоящий из избы, площадки для заморозки рыбы, навеса и склада. В 1960-е гг. на 500–550 котцов кондинского типа приходилось 8,6 % всей добываемой в Тюменской области рыбы [Петкевич 1972, с. 8]. Стационарные котцы на малых реках стали основным способом использования запоров, в то время как распространенные ранее сезонные запоры на русле Конды были запрещены.

В результате картографирования запоров по спутниковым снимкам и последующего опроса рыбаков Болчаровского сельского поселения (с. Болчары, с. Алтай, д. Кама) установлено положение 111 запоров на нижней Конде, относящихся в основном к последней четверти XX в. Это был период максимального распространения котцов, в 2010-х гг. с ростом общего уровня благосостояния, но также — топливных расходов и бюрократических издержек, их число сократилось. Сегодня котцы остались только на тех малых реках (13–15), где рыба конвертируется в осязаемый денежный доход.

Установлена закономерность размещения запоров на истоке из верховых или проточных озер в пределах 600 м — такое положение наиболее эффективно для устройства котца. Ландшафтный фактор является устойчивым во времени, его влияние можно рассматривать ретроспективно и учитывать при прогнозировании археологических поисков. Запоры в низовьях притоков также ставились, но из-за нестабильности уровня Конды из года в год, эта практика была непостоянной. Запирание озерных систем было более эффективным, но трудоемким, требующим проведения мелиоративных работ, так что места устройства больших запоров требовали оседлости общины. Данные переписи 1926 г., демонстрируют, что несколько поселений хантов в низовьях Конды стояли на истоках из озерных систем (д. Нюркой, д. Шумилово), что говорит о главенствующей роли запоров в жизнеобеспечении. Котцы (рыболовные станы) в тех местах сохраняются до настоящего времени.

Близость истоков к устью (30–40 км по прямой) нижнекондинских притоков делала перспективной схему чередования ресурсов верховых/низовых ландшафтных зон и водоемов. С учетом периодичности многоводных лет на Конде, исключая привычные/добычливые способы лова в пойме, освоение с помощью запоров периферийных водоемов со стабильными гидроусловиями, гарантировало улов. Поселения у запоров при такой стратегии были сезонными (зимними), в то время как летнее жилище располагалось на Конде. На такую схему природопользования указывают этнографические и археологические данные, в частности выявленная высокая плотность древних поселений в низовьях притоков нижней Конды [Собольникова, Кузина, Мухьярова 2017].

Библиографический список

- Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север: общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. СПб., 1904.
- Кондинский край XVI — начала XX в. в документах, описаниях, записках путешественников, воспоминаниях. Екатеринбург, 2006.
- Петкевич А. Н. Орудия промышленного рыболовства Урала и Сибири: справ. Новосибирск, 1972.
- Сирелиус У. Т. Путешествие к хантам. Томск, 2001.

Собольникова Т. Н., Кузина А. В., Мухьярова А. Р. Археологические исследования в нижнем течении р. Конда: итоги полевого сезона 2017 г. // Вестн. угроведения. 2017. Т. 7, № 4. С. 144–157.
Sirelius U. T. Uber die Sperrfischerei bei den finnisch-ugrischen Volkern. Helsingfors, 1906.

I. V. ABRAMOV

FISHING LOCKS OF THE LOWER KONDA: INTERDISCIPLINARY APPROACH

The dam fishing is still practiced in the Konda lowland in Western Siberia as an element of the traditional economy. We have performed mapping of the locks using the satellite-based photos, the data were verified and updated in the course of the ethnographic field study in Bolcharovskoe village. The study estimated the effect of the natural and the economic factors on placement of locks in the 20th century, traced the evolution of this practice, and identified a stage of the modernized traps introduction — the Konda *kotsy* (fenced traps). Using the established spatial relations, and taking into account the local fishing organization patterns, we have estimated the potential for the archaeological search for the ancient settlements at the location of the locks.

Илья В. Абрамов — Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg).
E-mail: ilya_abramov@list.ru

А. Л. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ, Е. И. АЛЕКСАНДРОВСКАЯ, С. Н. СЕДОВ, Г. П. ВИЗГАЛОВ, Е. Г. ЕРШОВА,
С. Ф. ТАТАУРОВ, С. Г. ПАРХИМОВИЧ, А. А. ЮРТАЕВ

КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ СЛОЕВ СЕВЕРА

Комплексом методов почвоведения, микроморфологии, палинологии исследованы культурные слои Севера Западной Сибири. Условия севера являются благоприятными для накопления органических остатков, в связи с чем формируются мощные органические слои, которые здесь большую часть года находятся в мерзлом состоянии, а на глубине более 1 м — в условиях постоянной мерзлоты. По сохранности органического вещества (ОВ) они сходны с мокрыми слоями таких городов, как Великий Новгород, и содержат значительно больше ОВ, чем минеральные слои, — до 80 %, представленного щепой и остатками навоза. Высоко в них и содержание фосфора, кальция, и ряда микроэлементов. Причем высокое содержание меди, цинка, свинца, мышьяка обычно связывается с металлургией и другими производствами. По данным микроморфологии, обнаруживается высокое содержание обломков кости, керамики, диагностических признаков навоза и других компонентов, связанных с деятельностью человека.

Александровский Александр Леонтьевич — д.г.н., Институт географии РАН (Россия, Москва).
E-mail: alexandrovskiy@mail.ru

Александровская Елена Ивановна — к.г.н., Институт географии РАН (Россия, Москва).
E-mail: antroposfera@rambler.ru

Седов Сергей Николаевич — к.б.н., Институт геологии национального автономного университета Мексики (Мексика, Мехико). E-mail: serg_sedov@yahoo.com

Визгалов Георгий Петрович — к.и.н., Сургутский государственный университет (Россия, Сургут).
E-mail: vizgalovgp@mail.ru

Ершова Екатерина Георгиевна — к.б.н., Московский государственный университет (Россия, Москва).
E-mail: ekaterinagershova@mail.ru

Татауров Сергей Филиппович — к.и.н., Омский государственный университет (Россия, Омск).
E-mail: tatsf2008@rambler.ru